

Запись школы общины с Хулианом Карроном
Милан, 22 марта 2017 г.

Текст: Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. С. 176–183

- Non son sincera
- The things that I see

Слава...

Veni Sancte Spiritus...

«Я не искренна». Как часто мы запутываемся в нашем зле! И когда мы осознаем это, рождается просьба: «Дай мне встретить того... кто искренен, кто настоящий, за кем я смогла хотя бы следовать» (А. Mascagni. *Non son sincera // Canti*. Milano: Società Coop. Ed. Nuovo Mondo, 2014. Р. 206). Иными словами, дай мне встретить того, кто пробудит меня, кто высвободит меня, кто вернет меня в верную колею на жизненном пути. Господь отвечает на эту просьбу, и жизнь меняется: «То, что я вижу, заставляет меня смеяться, как ребенок! То, что я вижу, заставляет меня плакать, как взрослый! Я могу смотреть на то, что Он дал мне! И Он покажет мне намного больше того, что я вижу» (R. Veras, R. Maniscalco. *The things that I see // Песенник*. М.: Духовная библиотека, 2006. С. 241). Он расширит мои горизонты и пробудит во мне все мое религиозное чувство. Продолжим поэтому наш путь, чтобы еще яснее понять, в чем заключается задача Церкви в мире по отношению к земному человеку.

Я хотел бы задать тебе вопрос о том, достаточно ли утверждать, что задача Церкви состоит в воспитании религиозного чувства. У меня трое детей. Старшая дочь с самого раннего детства была не слишком любопытной и не выражала никаких особых ожиданий. Я помню, как сказал жене: «Она ничего не ждет, даже хуже: кажется, у нее вообще нет религиозного чувства». Она ответила: «Болван! У всех есть религиозное чувство...»

Какая у тебя ласковая жена.

Она умная, очень умная! «У всех оно есть, в том числе и у нее. Нужно помочь ей, нужно воспитывать ее». Я ощутил желание, чтобы моя дочь могла в полной мере переживать великое ожидание. Она росла, и религиозное чувство проявилось в ней как беспокойство, как беспокойное ожидание. И тогда мое желание изменилось. Мне захотелось, чтобы она не просто жила религиозным чувством, а смогла уловить ценность Церкви, которую я сам познал в Движении, нечто большее, нежели религиозное чувство, восприятие Присутствия, судьбы, существующей в рамках человеческой компании, которую можно принять или же отвергнуть – тут человек свободен, но он должен хотя бы уловить это. Мне хотелось, чтобы она заметила, что жизнь – это не неопределенный поиск: есть особая компания людей, живущих насыщенной жизнью, и именно этого мы и ищем. Вопрос в следующем: достаточно ли говорить, что функция Церкви заключается в воспитании религиозного чувства? Не является ли это совершенно справедливое утверждение более узким в сравнении с утверждением о том, что функция Церкви – в воспитании к вере, то есть в приучении признавать Христа, таинственным образом присутствующего среди нас?

А как по-твоему, что нам в этом помогает? Что облегчает признание Христа, присутствующего среди нас? Если цель – в признании Христа, то что позволяет нам признать Его?

Безусловно, всепоглощающее ожидание Христа...

...позволяющее тебе заметить Его!

Да, но нужно воспитывать это ожидание, воспитывать способность услышать ответ.

В этом и заключается проблема, очень актуальная в наши времена. Мне вспоминаются слова отца Джуссани, сказанные им в далеком 1986 году и помогающие понять, почему он делает такой упор на воспитании религиозного чувства: «Мы, христиане, в современной обстановке оказались оторванными не непосредственно от христианских формулировок, не от христианских обрядов... не от законов, прописанных в христианском декалоге... Мы оторваны от человеческого основания, от религиозного чувства» (A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Milano: Bur, 2014. P. X). Начав преподавать в лицее Берше, отец Джуссани заметил: все его ученики знали христианские формулировки. В 1954 году в Милане невозможно было представить, чтобы дети не ходили на катехизацию, не выучили христианские формулировки, не приняли Таинств. Однако в определенный момент всего этого уже больше не хватало, чтобы поддерживать в молодежи интерес к вере. В начале шестидесятых годов, отвечая на вопрос кардинала Монтини о причинах, по которым он так настаивал на опыте, отец Джуссани писал, что, общаясь с молодежью, понял: обычно в сознании ребят «христианским словам не соответствует никакой конкретный призыв». Вот в чем суть проблемы! Школьникам казалось, что «христианское вероучение абстрактно и ничего не значит для их существования» (M. Busani. *Gioventù Studentesca. Storia di un movimento cattolico dalla ricostruzione alla contestazione*. Roma: Studium, 2016. P. 233). Таким образом, свобода ребят бездействовала и не могла отдать должное доктрине и принять ее. По мнению отца Джуссани, опыт был необходим, чтобы молодые люди могли понять идеи, выражающие христианство, и жить ими. Именно личный опыт позволял им заново и более глубоко открыть для себя учение Церкви. Джуссани четко определил, что, как ты сам заметил, часто беспокоит нас в отношении с нашими детьми, с коллегами, с друзьями, со всеми, кого мы встречаем на нашем пути. В другой момент он говорил, что «причина, по которой люди больше не верят или же верят, не веря, то есть сводя веру к формальной причастности, к участию в ритуале, к тем или иным действиям или к морализму, заключается в том, что они не живут собственной человечностью, не относятся всерьез к собственной человечности: к собственной чувствительности, к собственному сознанию, а значит, и к собственной человечности» (*Vivendo nella carne*. Milano: Bur, 1998. P. 66). Это не какой-то второстепенный аспект, речь идет о необходимости привести в движение всю нашу человечность, чтобы мы могли участвовать в событиях веры и таким образом признавать его. Именно поэтому Иисус постоянно говорит, что пришел к больным, а не к здоровым, к тем, у кого открыта рана, отклик на которую выявит, насколько вера связана с потребностями жизни. Вот почему в этой главе в центр поставлено не спасение человека – Христос, а вопрос о том, какую помощь Христос оказывает человеку в его отношении с окружающим его миром. И когда человек видит, что польза действительно есть, в нем начинает пробуждаться вся его человечность, все человеческое в нем просыпается. Это произошло с тобой, с нами, это может произойти с твоей дочерью, и вовсе не значит, что вопрос сводится исключительно к религиозному чувству. Иисус ведь не выносил за скобки все Свое присутствие в полноте, скажем так, божественно-человеческих факторов. Он присутствовал всем Своим существом, и Его свидетельство завораживало тех, кто с Ним встречался: «Никогда ничего такого мы не видали» (Мк. 2, 12). Чтобы увлечь всю их человечность, чтобы те люди могли пробудиться и присоединиться к Нему, недостаточно было религиозного чувства, требовалось всецелое присутствие веры. Какова связь между верой

и религиозным чувством? Пробуждение религиозного чувства – проверка полноты веры. Уже затем следует свободное решение о том, присоединиться к ней или нет, но задача Церкви именно в том, чтобы позволить человеку – например, твоей дочери – открыть для себя веру.

Шестнадцатого марта исполнилось тридцать девять лет с момента похищения Альдо Моро¹. Случайно я узнал, что в сороковые годы, будучи молодым преподавателем, он писал следующее: «Возможно, несмотря ни на что, историческая эволюция, в которой мы сыграем определяющую роль, не удовлетворит наши идеальные потребности: изумительное обещание, казалось бы, заключенное во внутренней силе и красоте тех идеалов, не сохранится. Это означает, что люди должны будут вечно оставаться перед лицом права и государства в позиции более или менее острого пессимизма. И их боль никогда не будет вполне успокоена. Но эта неудовлетворенность, эта боль – та же неудовлетворенность, какую человек испытывает перед своей жизнью, часто более скудной и убогой, нежели та, на которую идеальная красота, казалось бы, позволяла законно надеяться. Это боль человека, непрестанно обнаруживающего, что все вещи меньше, чем ему хотелось бы, человека, чья жизнь сильно отличается от идеала, которым он любовался в мечтах. Эту боль невозможно приглушить, разве что слегка, в случаях, когда в ней признаются тем, кто в состоянии понять, или когда она воспевается в искусстве, или когда сила веры или красоты природы рассеивают тревогу и возвращают покой. Возможно, судьба человека не в том, чтобы в полной мере осуществить справедливость, а чтобы постоянно жаждать и алкать справедливости. Но, так или иначе, это великая судьба» (А. Моро. Lo Stato. Corso di lezioni di filosofia del diritto. Padova: CEDAM, 1943. P. 7–8). Это весьма актуальное свидетельство о вызове, стоящем перед нами и заключающемся в том, чтобы жить на высоте желания, которое не под силу умалить никакому обстоятельству, особенно если ты пережил опыт встречи, позволивший тебе проверить, что ожидание нашего сердца объято: оно не «разрешилось», оно было возвращено в реальность, где Кто-то уничтожил Самого Себя, чтобы люди, не устающие искать (самарянка, блудный сын – это мы сегодня), смогли найти Его. Вот уже год я хожу смотреть твою школу общины с моим бывшим коллегой. Он называет себя атеистом, но его сердце не перестает задаваться вопросами. Все началось очень просто. Чуть больше года назад, в январе, он позвонил мне после многолетнего перерыва и признался, что идет на мессу. Я удивился. Надо сказать, когда мы работали вместе, он, приверженец марксистской традиции и сторонник активного вовлечения в общественную жизнь, всегда задавал кучу вопросов о Церкви, о работе и так далее. При этом он занимал честную позицию: было понятно, что он искал единства, точки соприкосновения, встречи. И вот через много лет он связался со мной и сообщил, что начал ходить на мессу. Я спросил почему. Он ответил: «Чтобы понять». Самое простое, что мне пришло в голову, – пригласить его на твою школу общины. С тех пор уже год мы раз в месяц едим пиццу, говорим о жизни, а затем вместе участвуем в школе общины. Глядя, как он, далеко уже не юноша, со всей серьезностью и постоянством слушает тебя, я вновь открываю, что соткан из неукротимого ожидания, из жажды и голода, которые являются орудием, позволяющим распознать Его присутствие в происходящем и в тех, с кем мы встречаемся.

---

¹ Альдо Моро – христианский демократ, председатель Совета министров Италии в 1963–1968 и 1974–1976 годах. Вел новаторскую деятельность и выступал с гуманистическими инициативами, сделавшими его одним из наиболее известных мировых политиков периода холодной войны. Выдвинул идею «исторического компромисса», предполагавшую включение итальянских коммунистов в правительство. Был похищен в Риме 16 марта 1978 года членами леворадикальной группировки «Красные бригады». Они удерживали его в плену, требуя выкупа. Однако Кабинет министров Италии не пошел на переговоры с террористами, в результате чего 9 мая того же года Альдо Моро был найден убитым.

На ужине перед встречей наши разговоры обычно полны растерянности, и проблемы, кажется, превосходят наши силы. Потом же, по ее завершении, когда мы возвращаемся домой, проблемы остаются, но на первый план выступает «мир», «покой». Мой знакомый часто мне говорит: «Ребята, которые выступают и которые так серьезно относятся к тому, чем живут и кого встречают, позволяют мне по-новому и с большей надеждой смотреть на то, чем живу я». Он продолжает ходить на мессу, чтобы понять, но при этом утверждает, что опыт школы общины помогает ему увидеть, как то, о чем он слышит, касается непосредственно его жизни, а потому поход на нее для него – долгожданное событие, и такое его отношение пробуждает и меня.

Вот как в нас постоянно возрождается надежда: благодаря причастности к месту, где жизнь вновь загорается. Мы неоднократно слышали из Евангелия, как люди, встречавшие Иисуса, признавались: «Никогда ничего такого мы не видали», – и у них появлялась надежда. О том же самом пишет мне один молодой человек, который учится за границей. Он рассказывает об отношениях с одним его товарищем, который с удивительной простотой забрасывает его вопросами. «На прошлой неделе за кружкой пива он мне говорит: “Знаешь, с тех пор, как я говорю с тобой, я словно ощущаю в себе волну, о которой раньше и не подозревал [то есть он вновь открыл самого себя]”. Мы говорим о глубоких и вместе с тем базовых, основополагающих вещах. Меня это весьма поразило, поскольку я вдруг понял, что я, во всей моей неспособности и не в силу каких-то моих достоинств (которых у меня нет), являюсь орудием, пробуждающим подлинную природу другого человека, позволяющим ему воскресить в себе определенные вопросы и встать перед лицом жизни в полный рост. Это правда: измениться и стать в большей степени самими собой можно лишь во встрече с кем-то. Когда я осознал, что способствовал этому, меня наполнила радость». Благодаря нашему другу его знакомый начал участвовать в том, что принес в мир Христос, изнутри своего опыта ощущая бóльшую человечность. Однако необходимо хорошо понять природу подобных явлений, поскольку они объясняют нам природу Церкви. Один из вас пишет мне: «Несколько недель назад мы предложили нашим друзьям рассказать о том, как в повседневной жизни Церковь ведет их к Тайне и как наше сознание позволяет сопровождать нас на этом пути через происходящие события». Это стало поводом к дискуссии о том, что такое Церковь. «Поэтому, – продолжает письмо, – прошу тебя, помоги нам лучше разобраться в том, что такое Церковь на самом деле, как мы можем понять, что она действительно выполняет свою задачу, потому что порой мы отождествляем Церковь с компанией, и я, например, разделял какие-то из рассуждений, а с какими-то был совершенно не согласен». Словно в конце концов у нас остается вопрос о том, достаточно ли наших отношений и определенного способа жизни в Церкви, чтобы нам все о ней стало ясно. Мне кажется, в этом смысле глава, которую мы читаем, имеет основополагающее значение. Прежде всего, видя, как действует Церковь, мы можем понять, что она собой представляет. Мы можем жить в ней подлинным образом или же требовать от нее уже готовых решений. Это влечет определенные последствия, ведь во втором случае «она не исполняла бы своих воспитательных обязанностей» (ср. С. 174). Кроме того, это обесценило бы время и обеднило бы историю. Вот почему в качестве примера того, с какими просьбами мы можем обращаться к Церкви, Джуссани приводит эпизод о человеке, который просит Иисуса выступить судьей в разделе наследства с братом. Такое искушение подстерегает нас всегда. Во времена Иисуса были учителя, готовые разрешать тяжбы и споры. «Человек произвольно, – подчеркивает Джуссани, – произвольно думает, что найден источник разрешения всех проблем!» Дальше будьте внимательны: «Иисус сразу же пресекает эту двусмысленность». В просьбах, которые мы обращаем к Церкви, может возникнуть двусмысленность, как возникла она и в приведенном эпизоде. И поэтому, продолжает Джуссани, собеседник Иисуса, должно быть, остался озадачен Его поведением, он и подумать

не мог, что Иисус не вовлечется в дело вплоть до разрешения проблемы. Однако Иисус не поддерживает заблуждения о том, будто, разрешая проблемы людей, Он действительно им помогает. Он не подпитывает иллюзии тех, кто подобен родителям, которые, подменяя детей собой, тщетно надеются избавить их от трудностей. Не в этом задача Церкви. Церковь заблуждалась бы, поступая так, поскольку умаляла бы собственную воспитательную задачу. С одной стороны, произошло бы выхолащивание, опустошение истории, а с другой – обеднение человеческого пути. Как по-вашему, родители, выполняющие домашние задания за своего ребенка, демонстрируют тем самым истинную любовь к нему или же делают его все менее способным встречать лицом к лицу вызовы жизни? Поступая таким образом, мы лишаем время смысла и обедняем человеческий путь. Иисус восстает против определенных способов быть вместе и определенного видения задачи Церкви: Он не соглашается на роль, которую мы желаем навязать Ему. И Церковь, как и наша компания, тоже не может вести себя иначе, поскольку в таком случае она сузила бы свою воспитательную задачу. Нельзя закончить чтение этой главы и не спросить себя, чего мы просим от Движения. Часто мы просим решений, а когда Движение нам их не предоставляет, думаем, будто оно не справляется со своей воспитательной задачей (например, когда мы ждем указаний о том, за кого голосовать на выборах). Задача Движения в другом, оно должно вновь ставить нас на путь и помогать нам не обеднять нашу человечность. Это не интимизм, не религиозный выбор, это то же самое, что сделал и Иисус в эпизоде с двумя братьями: «Если вы поставите себя в правильные условия, то сами сможете найти ответ». Что позволяет Ему не идти у них на поводу? Он бросает их свободе и разуму вызов и говорит: «Если вы привязаны к деньгам, то, даже предоставь Я вам решение, вы не сможете с ним согласиться». Джуссани поясняет: «Речь не о магической формуле [посмотрите, какое выражение он использует], речь не о магической формуле, позволяющей автоматически избежать ошибок, речь об основании, необходимом для того, чтобы найти наиболее человеческое решение проблем». А как понять, что решение человеческо? «Свобода есть основной признак человечности решения» (ср. С. 176–177). Иисус уверен, что человек, занимающий правильную позицию, в состоянии найти и верную дорогу. А если он не хочет вести себя определенным образом, то, даже получив решение, окажется не в силах согласиться с ним. Именно так человек, пробужденный и занявший правильную позицию, может, по словам Джуссани, найти путь. «Если человек искренне принимает условия, которые ставит Церковь, то он начинает довольно скоро испытывать приливы энергии и отваги и принимается за работу с невиданным усердием» (С. 178). Признак того, что мы занимаем правильную позицию, – наша вовлеченность, наше желание все активнее пребывать в реальности, действовать и не ждать, чтобы кто-то другой дал нам готовые решения. Именно благодаря этому личность сможет по-настоящему расти над собой и приобщаться к полноте, которую Христос хочет сообщить человеку и истории. Так наш путь не обедняется, и мы можем ощутить в себе огромную энергию, «облегчающую нам переживание перепетий истории и ведущую нас сквозь них к конкретным проблемам» (*Там же*). Я не хотел просто повторять то, что говорил учитель математики, я хотел научиться математике, как хочу научиться тому, о чем говорит Джуссани, чтобы его слова стали моими. И это не может произойти без моего участия, без постоянного вовлечения моей свободы. Если она не пробуждается во мне непрестанно, если мне о ней постоянно не напоминают происходящие события, как когда кто-то видит другого человека, живущего насыщенной жизнью, – если так не случается, то такой опыт никогда не станет моим и я не пойму, что вера неразрывно связана с потребностями моей жизни. Я это замечаю, только если начинаю действовать, жить этим. Один человек спрашивает меня в письме, как осознать это. Как убедиться, что Церковь в отношении со мной выполняет свою задачу? По тому, как растет моя личность, как она все больше вовлекается и становится способной действовать, по моему желанию найти решение. «Эта часть школы общины заставила меня всерьез задуматься, –

пишет мне наша подруга, которая не смогла приехать, – о нашей истории и о двусмысленности, в которую мы впадали и о которой ты напомнил нам три года назад на упражнениях. «В истории, в которой Бог воплотился в доказательство Своей любви к людям, вовлечение проблемы, ставящиеся временем, есть первая форма любви» (С. 179). Благодаря этому утверждению я на протяжении многих лет моей жизни жила таким вовлечением, а со мной – и многие другие. Однако я осознаю, что, если вовлечение не заключается прежде всего в том, чтобы «связывать себя самого, вещи и обстоятельства, создающие проблему, с основанием жизни», начинается путаница [«связывать себя самого, вещи и обстоятельства, создающие проблему, с основанием жизни» – вот подлинная религиозность], и мы думаем, будто решение кроется в нашем собственном великодушии. И насколько же остервенелыми могут быть подобные решения! Причем наши намерения могут быть благими, но мы слышим призыв лишь наполовину. [Вот поэтому-то мы должны быть внимательными и проверять, позволяет ли то, как мы пребываем в нашей компании, дойти до сути. Потому что за меня это никто не сделает.] Я заметила, что действие может стать безвозмездным, несмотря даже на конфликты, лишь тогда, когда я сознаю свою “всецелую зависимость от Тайны”. И именно такое сознание позволяет перед лицом трудностей постоянно возвращаться к положительной гипотезе. В опыте это стало для меня настоящей помощью, возможностью учитывать все факторы и, следовательно, находить более подходящие ответы». Если мы внимательны, то замечаем, что в нашем опыте есть все возможности для того, чтобы быть поправленными. Как мы узнаем, что человек по-настоящему религиозен (все о чем мы говорим касается воспитания подлинной религиозности)? Мы понимаем, что человек по-настоящему религиозен, когда он не ограничивается поверхностным переживанием реальности. Каков признак религиозности? Отец Джуссани сказал нам об этом в десятой главе «Религиозного чувства». Как понять, что я в полной мере переживаю реальность? Только если я дышу, говорит Джуссани. Если я задыхаюсь, значит, я позитивист и живу поверхностно. Тут ничего не попишешь. Если мы, вовлекаясь в те или иные дела, не чувствуем нашу зависимость, если не доходим до Тайны, то начинаем задыхаться.

В работе над этой главой, как и всегда, понять, о чем речь мне помогает пережитый опыт. Для меня смысл прочитанного прояснился особенно благодаря двум моментам из жизни Движения. Первый связан с, казалось бы, суждением отца Джуссани, к которому, однако, мы неоднократно возвращались в последнее время. Оно касается итогов шестьдесят восьмого года. Почему Движение тогда постигла катастрофа? Джуссани ответил: «Мы не искали Его днем и ночью». И ты настоятельно просил нас вернуться к его суждению и увидеть насколько оно связано с нашей нынешней ситуацией, с сегодняшним опытом Движения. Я, переживая эту ситуацию в свете суждения Джуссани, словно увидел в главе, которую мы читаем его развернутое объяснение. Что значит, что мы не искали Его? Что мы сделали все, кроме одного? Или же нужно было искать Его вместо того, чтобы заниматься другими делами, участвовать в собраниях, пылко вовлекаясь, как ты сейчас сказал, во всеобщие проблемы? Об этом говорится на каждой странице главы, но я зачитаю лишь короткую цитату со с. 177, где Джуссани размышляет о свободе и истории. «Человек находится внутри возможности решения, потому что Бог поместил его в поток времени не без причины». «Внутри возможности решения» – то есть проблема совершенно точно не в том, участвовали ли мы как Движение в различных собраниях. Конечно же, проблема не в этом. Проблема в том, что мы не искали исчерпывающей возможности решения, то есть той, которая соответствует масштабу нашего желания. Джуссани говорит: «Исчерпывающая возможность решения не заключена в механизм, придуманный человеком, и не приходит извне, из окружающего мира. Эта возможность вверена твоей свободе [вверена тебе], свободе связывать себя самого, вещи

и обстоятельства, создающие проблемы, с основанием жизни», – о чем ты только что нам напомнил. Для меня было крайне важно понять, что это суждение говорит мне о том, как мои усилия становятся эффективными, а не о том, что я должен делать вместо того, чтобы прилагать усилия. Думаю, это важно и для всех нас. И вторая вещь, очень коротко. Опять же в свете опыта, который мы переживаем сейчас, мне кажется, что невероятный пример из «Обрученных», который ты недавно привел, – встреча Безыменного с кардиналом Федериго – также играет для меня основополагающую роль в понимании этой главы. В определенный момент Мандзони говорит, что рука Безыменного «загладит столько ошибок, расточит столько благодетелей, облегчит столько страданий и, обезоруженная, смиренно и покорно протянется к своим врагам!» Невероятно! Это очень конкретное описание того, как действует человек, понимающий нужды и готовый встретить их лицом к лицу и разрешить. Но самое простое и удивительное обстоятельство состоит в том, что позволяет этой руке стать таковой. Встреча с кардиналом Федериго. А почему рука Безыменного может стать таковой? Потому что кардинал Федериго говорит ему: «Позвольте мне, позвольте мне пожать эту руку». Его рука – в руках кого-то другого. Отец Джуссани говорит об этом на с. 182: «Признание зависимости от Бога, меня создавшего, в Чьи руки я предаюсь без страха; утверждение, что суть жизни – это Другой, а потому и надежда на судьбу – в Другом». Современного человеку не хватает того, чему может научить нас компания Церкви.

Спасибо.

С этого года я вместе с тремя другими мамами начала проводить школу общины у меня дома, с восьми до девяти утра, что заставило меня начать серьезно работать. Результат просто удивительный. Отношения вновь расцветают, чудеса случаются каждый день. Мы действительно свободно можем просить друг друга обо всем, начиная с самых простых вещей («наша бабушка заболела, посидишь с моей дочкой?») и заканчивая весьма деликатными вопросами («Как начать заново отношения с мужем? Несколько месяцев мы продолжаем ссориться, и я уже и не знаю, что делать... Помогите мне!»). Наконец, можно сказать, что школа общины – единственная поддержка моей жизни. Можно благодарить за то, о чем другой человек свидетельствует тебе (несмотря на жизненные неурядицы), поскольку очевидно, что с Ним все возможно и жизнь действительно стоит того, чтобы ее прожить. Этот огромный подарок, который Он сделал мне, начался, когда я встретила одну подругу. Вот уже двенадцать лет в моей жизни не было подобной дружбы, которая непрестанно показывала бы мне, насколько прекрасно предстоять перед всем, что меня составляет (перед моей свободой, моими ошибками, моим желанием, моим злом, моими грехами), ни от чего не отмахиваясь, ничего не умаляя. Она смотрит на меня, как ты выразился в недавнем письме, «взглядом, полным уважения, который позволяет нам бесстрашно встречать нескончаемые вызовы повседневной жизни». Я сознаю, что стремление утверждать реальность такой, какой ее видит Христос, действительно лежит в основе мира, покоя. Ведь если мой муж поздно возвращается с работы, я могла бы разозлиться и сказать ему: «Тебя никогда нет, я занимаюсь и тем, и этим, ношусь туда-сюда...» Однако, изрыгая в его сторону все мои ежедневные проблемы, я не становлюсь счастливой. Даже будь мой муж всегда рядом, делай он все, что мне хочется, этого никогда не было бы достаточно, всегда нашлось бы что-то еще, и я не была бы счастлива. Поэтому очевидно, что я могу достичь счастья, лишь желая, чтобы компанию мне составлял Иисус. Именно это и меняет меня. Одна подруга даже сказала: «Мне нравится эта новая версия тебя». И я первая становлюсь счастливее, и все превращается в Его объятие и несомненно говорит о Его присутствии.

Все вещи делаются прекраснее, свободнее, обретают вкус, что позволяет тебе, даже будучи уставшей, допоздна готовить для подруги, чью непростую жизнь чуть-чуть облегчит уже сваренный обед. Я ощущаю в сердце тихую радость и спокойствие (затрагивающие все во мне, ничего не обходящие стороной). И я желаю, чтобы так было всю жизнь.

Спасибо.

В тексте школы общины меня очень затронула, спровоцировала и, я бы сказал, задела та часть, где говорится о тревоге. Если под тревогой понимать неспособность оторваться от переживаний по поводу работы, ответственности, сроков, истекающих один за другим, отсутствие сна, мысли об этом, одолевающие меня, даже когда я нахожусь в кругу семьи или в отпуске, и разрушающие свободу в отношениях и в использовании времени, – если под тревогой понимать все это, то да, я тревожусь. Я уже когда-то работал над этим текстом, но эта его часть никогда не задевала меня, возможно потому, что тогда у меня не было тревог. Меня поражает, что Джуссани говорит о тревоге как о результате нашего забвения об изначальной зависимости, как о следствии непризнания того, что наша состоятельность и надежда – в Боге. В результате я не смотрю на реальность взглядом Христа и живу в тревоге – во лжи, мешающей мне утверждать то, что я признал – конечно же, признал и продолжаю признавать – как истину. Меня влечет путь паломника, следующего к цели: я не останавливаюсь и стремлюсь проделывать работу, которую ты нам предлагаешь, прошу у Бога изменить мое сердце и провожу время с друзьями, которым удастся жить реальностью и не становиться пленниками проблем. Я действительно работаю и уверен в успешном исходе этой работы. Однако я прошу тебя помочь мне лучше разобраться с вопросом тревоги, который причиняет мне боль.

Оставим открытым твой вопрос.

Я очень благодарен за работу, которую мы совершаем на школе общины. Обстоятельства, которые я в настоящий момент переживаю на работе, позволяют мне проверить то, что мы сейчас читаем. На днях в нашей компании сменилось руководство, обстановка царит напряженная и мрачная. Каждый по-своему беспокоится о завтрашнем дне, который, возможно, будет отличаться от сегодняшнего, со всеми вытекающими последствиями. Каждый, забившись в свой угол, старается защититься от реальности, представляющей слишком враждебной. Я заметил, однако, что эти общие настроения, не определяют меня. И дело не в том, что я безразличен, или отстранился от проблемы, или являюсь таким героем. Причина – в школе общины, которая все больше становится возможностью познать происходящее. В первую очередь я заметил, что воспитание Церковью религиозного чувства действительно позволяет использовать разум, а точнее, позволяет использовать его определенным образом, в результате чего реальность перестает пугать и ты в состоянии смотреть на обстоятельства, направленные, казалось бы, против тебя, как на положительную возможность, еще не признанную, не открытую, (я не знаю, чем кончится дело на работе), но внутри тебя словно рождается полная любопытства просьба: «Господи, позволь мне понять, чего Ты хочешь от меня, чего просишь». Одна моя коллега, обеспокоенная нынешним положением дел, как-то зашла в мой кабинет, чтобы обсудить происходящее, а потом, выходя, сказала мне: «Как же все-таки прекрасно слышать с утра определенные вещи. Загляну к тебе и завтра». Я не говорил ничего явно религиозного, а просто объяснил, как я пытаюсь переживать ситуацию. Думаю, такой способ использовать разум – единственная

возможность пребывать в мире взрослыми людьми, наделенными любопытством ребенка, которое не утрачивается со временем, а напротив, возрастает. Кроме того, я замечаю, что это воспитание разрушает любые уже известные схемы, поскольку позволяет видеть вещи таким образом, который соответствует мне гораздо больше, чем любые мои представления. Подобная зависимость от реальности, как мне кажется, является наиболее человеческим способом зависеть от Бога. Хотя я и не работаю в отделе кадров или не занимаюсь персоналом, многие другие мои коллеги заглядывают в последние дни в мой кабинет (я держу дверь открытой) и задают вопросы о будущем. И когда они заходят, я думаю: они могут зависеть от того, что я в состоянии им сказать, но на самом деле, когда они выходят, это я становлюсь зависимым от них, ведь их нужда позволяет мне вновь увидеть мою собственную нужду. Спасибо за твою компанию на этом пути.

Наша позиция определяется по тому, забиваемся ли мы в угол, защищаясь от реальности, или же Христос постоянно пробуждает меня, чтобы я мог входить в нее и пребывать в ней иным образом, который всех поражает.

Расскажу об одном эпизоде, который пролил свет на один отрывок текста школы общины, где говорится о свободе и возможности исчерпывающего решения, вверенного моей свободе, о бодрствовании перед лицом нашего истока и нашей судьбы. Во время стажировки в больнице я встретила одного своего бывшего преподавателя, который на обходе заявил, что его всегда занимало что угодно, кроме медицины, поскольку это заведомо проигранная битва, ведь в конце концов пациент все равно умирает. Сложилась неловкая ситуация, и меня вдруг как молнией ударило, потому что он высказал вслух вопрос, который уже давно не оставлял меня в покое. Я спрашивала себя: что толку лечить тело, обреченное на смерть, которая тоже всего лишь переходный этап? Не лучше ли дойти до самого истока и посвятить жизнь исцелению человеческих душ? Я на самом деле не то чтобы мечтала всю жизнь стать врачом, я приняла это решение довольно поздно и поэтому порой спрашиваю себя, чем, собственно, занимаюсь. Почему Иисус никогда не отказывался исцелять больных и не говорил: «Я в любом случае отдам жизнь ради вашего спасения, так что не стоит слишком переживать о болезнях»? Но в тот день все как будто стало понятно. Смерть – слишком серьезное противоречие, а человек создан для вечности. Именно поэтому на протяжении веков люди, не зная покоя, пытались продлить жизнь. Однако что пользы в жизни длиной сто лет и лишеной смысла? Зачем стоит жить? В последние месяцы, довольно трудные и с физической и с духовной точки зрения, во мне, в том числе и благодаря упражнениям студентов, обострилось радикальное сознание, в силу которого кажется как никогда очевидным, что без Христа, без отношения с Ним все превратилось в прах, в пыль; без отношения с Ним все цели, которые я перед собой ставлю, превращается в ничто. Становится бессмысленным и забота о человеческой жизни. Тогда в больничной палате я поняла, что имеет смысл отдать все в том месте, потому что Бог взял меня за волосы и спас меня, показал через компанию, что вещи не устремлены к забвению, а наоборот, движутся к невообразимому Благу, которые уже заронило в нашем израненном мире свои семена (я могла бы привести множество примеров в подтверждение). Бог избрал меня, чтобы донести до всех весть о том, что Иисус пришел, чтобы всех спасти, что Он возлюбил всех и создал нас для вечности, и что смерть не одержит победу. Конечно, чтобы объяснить это я не могла начать комментировать Евангелие посреди больницы. Я неоднократно видела в свидетельстве других людей, что Царство Божие создается в этот самый момент, благодаря незначительным действиям, преображенным ожиданием. Я начала молиться, чтобы Христос явил Себя в тех маленьких вещах, которые от меня требовались

(измерить давление, поднять с пола бумажку, лишней раз улыбнуться пациенту). И я заметила, что изменилась, все как будто обрело новый вкус и краски, потому что все было соткано из диалога с Тем, Кто в каждый момент давал мне все. И я изменилась. Так для коллеги, которая работала со мной, раскладывать бумажки по папкам было скучно, бессмысленно и даже унижительно. Я же наслаждалась, хотя это и не занятие для врача. Я понимаю, что все это – результат пути, проделанного в эти годы, следования за Движением, верности каритативе и свидетельства всех святых, которых Господь поместил рядом со мной. Иными словами, это плод Его верности, которой я начала отвечать да.

Бог верен нам, и если мы продолжаем пребывать в месте, которое постоянно преобразует настоящее мгновение и позволяет переживать каждое мгновение насыщенно, входя в самую сердцевину существования, вся наша личность перевозносится, и мы убеждаемся в соответствии веры нашим нуждам, потому что начинаем переживать реальность иначе. Ты выразила это через противопоставление: либо скука, либо радость. Или, как говорилось в предыдущем выступлении, можно жить в тревоге или в спокойствии. Все это признаки, свидетельствующие о том, насколько человек, религиозно переживающий реальность, может начать показывать другим людям, какое значение имеет вера в ответе на жизненные потребности. Таким образом в них может пробудиться любопытство и желание приобщиться к ней, как мы видели из примеров. Именно по этой причине мы были избраны, призваны: чтобы жить насыщенно и помогать другим, которые могут свободно последовать или не последовать, но для которых мы можем быть свидетелями того, что стоит переживать вера действительно неотъемлема от потребностей жизни и способна все преобразить. Именно об этом по сути свидетельствовал нам Иисус: когда живешь в отношении с Отцом, все меняется. Но чтобы жить так, я не должен жить лишь религиозным чувством, в отрыве от всего остального. Жить религиозным чувством, как им живет Иисус, возможно только в отношении с Отцом. Сегодняшняя школа общины позволяет нам увидеть то, что вводит нас в это отношение. А проверку мы совершаем в нашем подходе к проблемам: когда все впадают в беспокойство из-за ситуации на работе, а мы можем смотреть на нее иначе, когда для других обязанности скучны и бессмысленны, а для нас они наполняют каждое мгновение невообразимым содержанием. Каждый из нас должен проверить это в обстоятельствах, потому что только это может убедить других людей. В противном случае все остановится на уровне разговоров, оторванных от реальности. Только тот, кто вовлекается, кто действует, – эти слова часто повторяются в главе, – только тот, кто вовлекается, сможет увидеть, как расцветает жизнь, как она наполняется энергией, насыщается. А иначе все останется на словах, на бумаге, в свидетельстве других людей, но не станет нашим. И какой же может стать жизнь, если мы будем жить, исходя из правильной позиции! И какой вклад мы сможем внести в жизнь мира, в жизнь наших коллег и наших друзей.

Следующая школа общины состоится в среду, 24 мая. В апреле мы будем работать над текстом книги «Зачем Церковь», с. 184–191. Это начало третьей главы под названием «Божественное в Церкви», и оно тесно связано с тем путем, по которому мы до сих пор шли. Обсудим его на майской школе общины вместе с введением в упражнения Братства.

Пасхальный плакат. Изображение – «Нагорная проповедь» Беато Анджелико, текст – слова Шарля Пеги, говорящие о том, что такое Церковь.

«Чудо из чудес, дитя мое,
тайна из тайн.
Потому что Иисус Христос
стал нашим братом по плоти,
Потому что Он произнес во времени
и во плоти вечные слова,
In monte, на горе,
Это нам, слабым, Он поручил,
Это от нас, слабых и плотских, зависит
Поддерживать и кормить
и хранить живыми во времени
Эти слова, произнесенные
живыми во времени».

Вот наша задача: «хранить живыми во времени эти слова, произнесенные живыми во времени» ради нас самих и ради других людей, потому что лишь так они смогут понять, что слова эти представляют интерес и для их существования. Фраза Пеги, процитированная в тексте школы общины на с. 141–142, призывают нас увидеть присутствие живого Христа в настоящем и жить им во всем, чем мы занимаемся, уже в том, как мы входим в реальность. Как мы сказали в конце прошлой школы общины и как свидетельствовали нам многие из выступавших сегодня, лишь когда другие замечают, что мы входим в реальность и живем в ней иным, не таким как остальные люди, образом, иначе встречая обстоятельства и исполняя повседневные обязанности, – лишь тогда слова оживают, и сами наши действия начинают говорить.

Книга месяца на апрель и май – «*Miracolo dell'ospitalità*» отца Джуссани. Мы вновь предлагаем этот текст, представляющий собой собрание выступлений и бесед Джуссани о гостеприимстве и принятии. Он говорил: «Высший пример принятия – Бог, Который настолько сжалился над человеком, что стал одним из нас и умер за нас». Таким образом, принятие есть наивысшая степень осуществления милосердной любви, иными словами признания Христа, Бога, возлюбившего нас. Думаю, эта книга станет для нас огромной помощью в том числе и в понимании письма, которое направил нам папа.

Упражнения Братства помимо лекций и собрания состоят из моментов молчания, пения, молитвы и внимания к другим. Поэтому давайте будем готовы в полной мере переживать их, чтобы они стали важным событием нашей жизни и чтобы мы могли пережить на них опыт того, о чем рассказываем и убедиться, что наше совместное пребывание действительно помогает нам и ведет нас к Тайне, воспитывает в нас религиозное чувство, позволяя нам вступать в отношение с истоком, от которого мы зависим. Пусть все это не остается на словах, пусть живые слова обратятся в действие.

Veni Sancte Spiritus...

Светлой Пасхи!